

Таким был роман “Ньюкомы” (1852–1855), который наряду с заявленной в нем историей одной семьи, должен был служить доказательством мастерства Пенденниса как писателя. На фоне истории нескольких поколений Ньюкомов показано созревание таланта художника Клайва, который повторяет многие ошибки своего создателя, Пенденниса, но с его помощью приходит к решению своих художественных и личных проблем.

Роман начинается на книжный лад – басней, включающей волка в овечьей шкуре, ворону и лисицу, осла в львиной шкуре, лягушку и вола. Эта мешанина возникает как метафора действительности, в которой все также безнадежно перепутано; в которой слезы проливаются теми, кто облечен в подвенечный наряд, а смех звучит в траурной карете, и вороны щеголяют в павлиньих перьях [5, т. 8, с. 11–12]. Теккерей, правда, одергивает себя: нельзя формулировать мораль до того, как рассказана басня. Так осмеянию подвергается традиционная назидательность английского романа.

Еще больше издевается Теккерей над пристрастием, в жизни и литературе, к пышной генеалогии: Ньюкомы возводят свой род к аристократии времен Марии Тюдор, между тем как они были всего навсего ткачами. Не более достоверна официальная история британских побед в Индии. Не говоря о том, что за ними скрыты муки женщин и детей, их слезы и горе [5, т. 8, с. 67], история английских набобов в Индии не соответствует модным романам и комедиям.

Искусству ложному, извращающему действительность, Теккерей противопоставляет рассуждения о том, каким оно должно быть: искусство не должно быть лихорадочным, оно должно быть спокойным, не напоминая ни боя быков, ни сражения гладиаторов; оно должно напоминать храм, созданный для тихого созерцания, восторженного преклонения, величественных обрядов – и музыки, торжественной и нежной [5, т. 8, с. 251]. Еще больше, чем предшествующие романы, “Ньюкомы” призывают к художественному опыту читателя.

Литературные аналогии возникают здесь на каждом шагу: встреча полковника Ньюкома с любовью его юности госпожой де Флорак уподобляется встрече пожилого сэра Чарльза Грандисона со стареющей мисс Байрон [5, т. 8, с. 252]; героиня Этель вызывает целый поток литературных и живописных ассоциаций [5, т. 8, с. 291]. Сам виконт де Флорак и его слуга сопоставляются с персонажами Вальтера Скотта Эдгаром Равенсвудом и Калемом Болдерстоном [5, т. 8, с. 328]. Старики мечтают о счастье детей, непременно таком, как в волшебных сказках [5, т. 8, с. 310]. Теккерей прямо заявляет, что в светском обществе нет героинь, морально не скомпрометированных: графиня Калипсо обманула герцога Улисса,

маркиза Ариадна, с которой гнусно поступил принц Тезей, обратилась за утешением к Вакху... Госпожа Медея убила отца своим поведением по отношению к Язону...” [5, т. 8, с. 330]. Фавны и сатиры окружают героиню романа Этель, – подчеркивая этим, что литература и миф являются и средством запечатлеть действительность и, в известном смысле, ее духовными источниками.

Повесть о современной жизни иронически строится по образцу банальных поэтических очерков о путешествиях в восточные страны, изложенных с помощью бесконечных евангельских реминисценций [5, т. 8, с. 373]. Пародийный характер носят пестреющие в “Ньюкомах” названия популярных в светских гостиных произведений: “Легкие следы газелей” в исполнении дочери крестоносцев; стихи герцогини д’Иври называются “Вопли души”, “Демоны”, “Падшие годы”. Они становятся предлогом для осмеяния французских романтиков Шатобриана, Ламартина, Гюго, Дюма [5, т. 8, с. 377, 378, 380].

Приукрашенная романтика упорно выдвигается в противовес антиромантической действительности, в которой крайне редко присутствуют привычные в беллетристике муки любви и разбитые сердца. В романах и пьесах, когда героиня флиртует, герой уходит и ухаживает за другой, а потом оба расходятся и мирятся, и занавес падает [5, т. 8, с. 404]. Но к действительности все это не имеет никакого отношения.

В действительности совершаются прозаические выгодные сделки, из которых самой распространенной является брак. Поэтому о свадьбе банкира Барнса с несчастной леди Кларой сообщается в духе, принятом в светской газетной хронике, в которой важно не само событие, а титулы присутствовавших при постыдной сделке лиц.

Истинная природа отношений, складывающихся в мире корысти, комментируется в бесчисленных эпизодах, диалогах, репликах, в которых романтическая фразеология выявляет прозаическую сущность. Таковы многие беседы Клайва Ньюкома с его биографом и другом Артуром Пенденнисом: они прибегают к заезженным цитатам, чтобы выразить горечь своих оценок реальности.

На всем протяжении романа, со многими навязчивыми повторениями возобновляется мотив несоответствия жизни ее изображению. Этель Ньюком, сообщает автор Пенденнису, слишком умна и саркастична для героини романа, и положение ее не очень-то достойно. Но романист не более может избавиться от своей героини, чем муж от жены [5, т. 9, с. 88]. Теккерей иронически сравнивает изображение Этель в своей книге с тем, как изображали юных мучениц в церковной литературе [5, т. 9, с. 180] и тут же – с трафаретным прославлением богини Дианы во время охоты на оленя (читай – знатного и богатого жениха –